

Маша Царева

МОСКОВСКИЙ БЕСТИАРИЙ

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц18

Царева, М.

Ц18 Московский бестиарий / М. Царева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 286 с. — (Московский бестиарий).

ISBN 978-5-521-74011-6

Саша Кашеварова — современная москвичка слегла за тридцать. Одинокая, отчаянная, открытая приключениям, Саша совершенно не стесняется своей принадлежности к поколению single. В её сумочке мирно уживаются последний аромат Comme des Garçons и полусгнивший яблочный огрызок. Она нокатирует апатию шоколадными кексами, втайне мечтает об идеальном мужчине (хотя точно знает, что таких нет). Она носит дорогие туфли и экономит на еде, может напиться, как портовый грузчик, но при этом считает себя почти паинькой. Московский бестиарий — это словарь существ, живущих в мегаполисе: алкоголики, барби, бизнесвумен, веганы, мачо, метросексуалы, нимфетки, серые мышки, татуировщики и многие другие — и всё это глазами современной девушки, свободной во всех отношениях.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74011-6

© Маша Царева, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

В детстве я кем только не мечтала стать — и банально космонавтом, и романтично балериной, и даже цинично валютной проституткой. В итоге судьба распорядилась так, что стала я журналисткой и время от времени имею возможность примерить на себя все желаемые профессии.

Зовут меня Саша Кашеварова, и к своим «слезка за тридцать» я прочно осела в московском поколении single.

*Посвящается моей мамочке,
Королевой Наталье,
с благодарностью за все-все
и радостью, что я похожа на нее
хотя бы внешне.*

Я (ПРОЛОГ)

В детстве я кем только не мечтала стать — и банально космонавтом, и романтично балериной, и даже цинично валютной проституткой. В итоге судьба распорядилась так, что стала я журналисткой и время от времени имею возможность примерить на себя все желаемые профессии.

Зовут меня Саша Кашеварова, и к своим «слегка за тридцать» я прочно осела в московском поколении single.

Что можно обо мне сказать?

Я не стерва, но и не пай-девочка. Самолюбование мне несвойственно, впрочем, самоуничтожение тоже. В моем гардеробе семнадцать маленьких черных платьев. Я ненавижу, когда мне свистят вслед. Мечтаю о домике на берегу моря и питаю маниакальную нежность к десертам со взбитыми сливками. Не верю в женскую дружбу (редкие исключения лишь подтверждают правило). Не умею готовить. Моя излюбленная сексуальная фантазия — темнокожий мужчина, сложенный, как Деннис Родман.

Этот город полон одиноких девушек, таких как я. Мечущихся от беспринципного разврата к многомесьячному катастрофическому отсутствию секса. Нокаутующих апатию шоколадными кексами. Втайне мечтающих об идеальном мужчине и точно знающих, что таких на свете нет. С мазохистской сосредоточенностью рассматривающих в увеличительном зеркале очередную — черт бы ее побрал — морщинку.

Одиночество — вовсе не диагноз, а образ жизни, вполне удобный для особ с повышенным уровнем эгоизма.

Никто не диктует тебе, как поступить. Ты не чувствуешь себя круглосуточной участницей реалити-шоу «Идеальная женщина». Можешь сколько угодно носить трусы в горох. Или хранить на прикроватной тумбочке годовую подшивку «Космополитен», не опасаясь, что некто, презрительно приподняв правую бровь, спросит: «А ты никогда не пробовала стать блондинкой?.. Судя по всему, тебе бы пошло!»

Делаешь, что хочешь. Общаешься, с кем хочешь. Спишь с мужчинами, когда хочешь (или когда хотят тебя, но это уже совсем другая история).

В конце концов, Наоми Кэмпбелл тоже не замужем, а ведь она на пару лет старше меня.

Москва гостеприимна к одиночкам, охотно берет их под свое обманчиво мягкое крылышко.

Не могу сказать, что я обласкана Москвой. Город, как хитрющий шулер, вечно подсовывает мне проходимцев и извращенцев, каждый день играет со мною в поддавки. Я трижды чуть не стала знаменитостью, несколько раз собиралась замуж за брачных аферистов; меня грабили на улице средь бела дня, приглашали сняться в порнушке; мои лучшие подруги не раз на практике оказывались алчными завистницами. Мне доводилось быть при поимке особо опасного преступника и самой однажды едва не загреметь за решетку. Меня черт знает сколько раз обманывали мужчины.

И все равно я этот город люблю.

1. АЛКОГОЛИКИ (БАР-СЕРФЕРЫ)

Кто из нас не топил, бывало, меланхолию в мутноватом бокале ледяного «Мохитос»? Кто не возвращался домой на рассвете, качаясь на шатких каблуках и мурлыча под нос: «Мой мармела-адный, я не права...»? Кто не склонял бледно-зеленую физиономию над фаянсовым омутом унитаза, мечтая излить в оный хмельную пену смутно припоминаемого вечера?

Тот июнь запомнился мне... прежде всего полным отсутствием четких воспоминаний. Мелькающие фотовспышки длинных ночей, повышающийся градус, двоящаяся в глазах реальность, люди со стертыми лицами и серое похмелье по утрам.

А началось все с того, что я неожиданно потеряла работу. Осталась ни с чем — как раз в то беззаботное время года, когда подруги, предвкушая законный отпуск, весело паковали в курортные чемоданы масло для интенсивного загара. В самый разгар сезона весенних распродаж и скидок на авиабилеты.

Будущее маячило передо мною огромным знаком вопроса. Я не умею откладывать деньги, у меня нет даже заветного конвертика на черный день. Экономлю на продуктах, чтобы купить вожаделенные туфли, — кто-то скажет «настоящая женщина», кто-то — «настоящая дура». Так или иначе, в начале того июня моим финансовым запасом было несколько измятых пяти-сотрублевых плюс мелочь в кошельке.

Алкоголики (бар-серферы)

И все.

Как назло все те, у кого можно было перехватить в долг, разъехались.

Неинтеллигентное гусарское решение проблемы пожарной сиреной сигнализировало в голове.

Напиться.

Нет, я не из породы экстремальных девушек, которые не пьянеют от бутылки виски, непринужденно матерятся и, залихвастски цыкнув зубом, приглашают понравившегося мужчину к эротическому сближению. Просто то знойное лето само располагало к тому, чтобы отложить неприятности на потом. Расслабиться, забыть о проблемах — ну хотя бы на один-единственный вечер.

В баре «Real McCoy» на Баррикадной я встретила старого приятеля Мишаню. Когда-то мы трудились в одной редакции, он — фотографом, я — корреспондентом. Потом Мишаня неожиданно уволился и, поговаривали, спился. Не видела его лет пять, и вдруг улыбающаяся физиономия призраком прошлого материализовалась передо мною. Похудевший, загорелый, немного состарившийся и застенчиво пытающийся это скрыть — в ровном каштановом цвете его поредевших волос почудился химический отлив. Мне всегда было жаль мужчин, которые красят волосы. Но Мишаня — случай особенный. В его улыбке было столько оптимизма, что хватило бы на всех посетитель клуба.

— Ба, кого я вижу! Старушка Кашеварова!

— Мишаня! — недоверчиво выдохнула я, — надо бы соврать, что ты совсем не изменился... Но, честно говоря, выглядишь так себе.

— Думаешь, ты стала королевой красоты? — подхватил он мой тон.

— Мне простительно, меня уволили, — я развела руками.

— Да ты что? На мели, значит?

— Вроде того.

— Тогда сегодня угощаю я. Не переживай, старушка, сейчас дернем по «Маргарите», потом переедем в «Help». Там отличные коктейли.

— Ты что, разбогател? — недоверчиво прищурилась я. В те времена, когда Мишаня был в поле моего зрения, он использовал любой предлог для отлынивания от работы и прочим гурманским удовольствиям предпочитал палаточное пиво с самодельными сухариками.

— А вот и нет. Просто у меня правильные друзья. Идем, познакомлю тебя с БББ.

— С кем?

— БББ! — торжественно повторил он. — Безумными Богатыми Бездельниками. Угощают они. А потом продолжим наш бар-серфинг.

Безумными Богатыми Бездельниками он называл двоих невзрачных персонажей, тихонько распивающих в уголке и не обращающих внимания на чужое веселье в ритме латино. Надо сказать, Безумными они не выглядели — скорее скучноватыми. Богатыми тоже (на одном был затасканный спортивный костюм, на другом — грязная джинсовая куртка). Да и на Бездельников парочка не тянула — один сосредоточенно читал «Moscow Times», другой углубился в изучение карманного компьютера.

Я разочарованно обернулась к Мишане.

— А может, ну их? Поболтаем, а потом разойдемся по своим делам. Ну что я буду мешать вашей теплой мужской компании?

— Расслабься, — он крепко схватил меня за руку, — не обращай внимания на внешний вид, тебе они понравятся.

Вытолкнув меня вперед, он громко объявил:

— Мальчики, у нас гостя! Ее зовут Саша, и она хочет с нами напиться.

Как по команде они синхронно вскинули голову. Тип в джинсовой куртке при ближайшем рассмотрении оказался очень даже симпатичным, только

непромытым каким-то. У него было смуглое лицо, нос с греческой горбинкой, подбородок, который принято называть волевым, полные темные губы и двухдневная небритость, появлению которой он был обязан, скорее всего не моде на мачизм, а банальной лени.

— Герман,— театральным размашистым жестом он прилип губами к моей руке.

— Влад,— представился второй, блондин лет тридцати пяти с блестящими залысинами и покрасневшим от духоты лицом.

Подоспевший официант грохнул передо мной поллитровую кружку с двойной порцией клубничной «Маргариты». Мужчины отложили газету и компьютер в сторону, и через какое-то время я с удивлением поняла, что предо мною — на редкость уютные собеседники. Они не пытались пошло острить, расспрашивать меня о наболевшем. Нет, мы обсуждали все что угодно, только не нас самих. Погоду за окном, модные московские местечки, одежду и филейные части тела окружающих девиц.

После полуночи у меня было запланировано хмельное возвращение домой, однако Мишпан настоял, чтобы я отправилась вместе с ними в бар «Help». Потом, к собственному удивлению, я обнаружила себя в «Огород» — пили водку и закусывали ее прохладными кусочками сала. Потом плавно переместились в «Молли Гвинз». Потом...

Короче говоря, домой я попала только в восемь утра. Соседка по лестничной клетке, явно собравшаяся на работу, вырядившаяся в светло-бежевый плащ и туфельки на шпильке, посмотрела на меня, веселую носительницу мятой майки, укоризненно.

Следующим вечером за мною заехал Влад — к моему изумлению, у этого потертого мужичонки оказался новенький автомобиль БМВ.

— Думаешь, я маргинал? — усмехнулся он, перехватив мой удивленный взгляд. — Между прочим, у ме-